

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ответственный редактор
А. М. ГРАЧЁВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1994

Рецензенты Л. Н. КЕН, С. Ю. ЯСЕНСКИЙ

ISBN 5-86007-024-1

© Институт русской литературы (Пушкинский
Дом) Российской Академии наук, 1994
© Издательство «Дмитрий Буланин», 1994

АВТОГРАФЫ НА КНИГАХ КАК ЖАНР ТВОРЧЕСТВА А. М. РЕМИЗОВА

Значительную часть творческого наследия А. Ремизова составляют автографы на книгах. Они впервые собраны воедино в каталоге его первой большой персональной выставки на Родине «Волшебный мир А. Ремизова» (СПб., 1992). Авторы каталога воспроизводят смысловую часть надписи на книге, но не в состоянии передать автограф как произведение каллиграфического мастерства и графического искусства. А между тем Ремизов придавал автографу на книге именно такое особое значение, располагая его, как правило, подобно факсимиле на свободной странице шмуцтитула, авантитула, форзаца или даже на особых специально вклеенных в книгу листах. Так, например, лист старинной бумаги вклеен специально для дарственной надписи в 5 томе Собрания сочинений А. Ремизова, вышедшем в 1911 г. в издательстве «Шиповник» и подаренном Ф. Сологубу и Ан. Чеботаревской. На нем глаголическими письменами в форме столбца оставлена надпись: «Анастасии Николаевне и Федору Кузьмичу Сологубу путешественникам Алексей Ремизов. 1911. 16 ноября. Петербург».¹

Надписи на книгах заполняют все пространство листа, соединяя строчки автографа, выполненные, как правило, разными типами скорописи, устава, полуустава, вязи, в своеобразную законченную графическую фигуру: квадрата, круга, эллипса, удлинённого книзу треугольника. Последняя, наиболее часто встречающаяся, форма надписи напоминает оформление страницы древнерусской рукописной или старопечатной книги, заканчивающей какую-либо ее часть.

Обращает на себя внимание и такая, характерная для автографов Ремизова на книгах, черта как почти полное отсутствие синтаксических знаков. Возможно, с точки зрения художника, они нарушали своеобразную орнаментальную стройность линий надписи. А возможно, поиск синтетических способов художественного самовыражения в своеобразном жанре дарственной надписи предполагал смысловое, графическое и звуковое (инто-

¹ Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки / Сост. А. М. Грачева и др. СПб.: Хронограф, 1992. С. 17. № 2. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страницы и номера надписи по каталогу.

национно-музыкальное) единство произведения, ориентированное на использование традиций древнерусской ритмической прозы. Ремизов заменяет знаки привычного синтаксиса ритмически организованными интонационными структурами речи, графически выраженными с помощью разбивки на строки, сменой типов почерка: устава, полуустава, скорописи (с. 16, № 1, 3, 5; с. 18, № 16, 22 и др.)

Ритмическая организация текста является отличительной чертой, присущей циклу дарственных надписей, адресованных С. П. Ремизовой—Довгелло: «...В этой книге итоги нашей жизни на ав. Mozart, проникнутой надеждой на чудо. Ведь книга — это исповедь, только какое отчаяние, голос не проникает человеческого сердца: какими же еще словами и как (каким складом, — или стерлись все слова? — и не надо ждать отклика: ни «мир ти!» ни «пошел к черту!»). В другой форме эта наша Mozart'овская жизнь не могла выразиться. И опять, какая ирония: все чудесно, все одухотворено, все по-своему страждет: и вещи и человек — во сне и в яви. Ну вот, кажется, тут-то и должно было за переплетом засветиться и осветить — «воллотиться», а на деле: за переплетом — дерево (стол) «человек человеку бревно» (с. 26, № 75).

Изобразительная стилистика автографов на книге А. Ремизова восходит к древнерусской каллиграфической традиции, но часто органично сочетается с рисунками, выполненными в стиле русского авангарда, коллажами, отражая характерную особенность эклектического художественного сознания конца XIX — начала XX в. Коллажи в данном случае призваны передать тот эмоциональный ореол художественных сверхсмыслов, которые заложены в семантике книг и подчеркнуты надписью на ней. Прекрасный пример тому представляет коллаж-обложка на «Житие протопопа Аввакума» с трогательной надписью, адресованной В. И. Малышеву: «Всю мою заграничную жизнь с 7 августа 1921 г. и посейчас прожил я — Слово Аввакума было мне русской землей.» (с. 27, № 91).

Часто в дарственной надписи на книге А. Ремизов подчеркивает особенности ее художественного оформления, заставляет обратить внимание на отдельные, особенно удачные с его точки зрения элементы обложки, рисунки. На книге «Оля», например, оставлена следующая надпись, адресованная С. П. Ремизовой—Довгелло: «В этой книге все: содержание, отдельные слова и целые фразы — твое, деточка («историю» — книжку нашел!) и самый „вол“ — твоей работы, во всем моя только обрисовка. А может быть, если бы ты сама писала, вышло бы все вразумительнее, как рисунок «вола», который настоящий художник никогда не нарисует, а если и нарисует, то будет «рисунок», а не живое. Искусство часто убивает «дух» (с. 25, № 71). И на книге «Зга» в надписи, адресованной Ключарю Обезвелволпала и кавалеру обезьяньего знака С. Я. Осипову автор обращает внимание на рисунок, использованный для офор-

мления обложки: «Еще не перевелись на свете чудачки, которые меня издают, да еще и котов моих воспроизводят.» (с. 24, № 69). Как правило, надписи на разных экземплярах одной и той же книги взаимодополняют друг друга, образуя некое полифоническое единство. Так, на другом экземпляре книги «Зга», подаренном Н. В. Кодрянской на обложке рядом с рисунком написано: «Кот спит и ему снится молоко, куриные лапки, а спит он в ямке, любимый кот Натуси. с. Берестовец Борзенского уезда Черниговской губернии» (с. 24, № 69).

Известны пять надписей на книге «Докука и балагурье». Четыре из них, адресованные соответственно Блоку, Щеколдину, Осипову и Сологубам представляют книгу как новогодний Рождественский подарок. И каждая надпись — самостоятельное произведение каллиграфического искусства. Каждую сопровождает рисунок елки. И все рисунки — разные. Особенно интересна фантастическая елочка Ф. Сологуба, из-за которой выглядывает мелкий бес чрезвычайно похожий на автора надписи (с. 19, № 26). Возможно это еще одно напоминание, что Ремизов мечтает получить в качестве рождественского подарка «Мелкого беса» Ф. Сологуба. Об этой просьбе мы узнаем из другой дарственной надписи, сохраненной Ф. Сологубом в «Журнале Ф. Сологуба с перечнем книг, которые были ему подарены авторами с копиями их автографов 1892—1912 (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 59. № записи 218). Стилистической особенностью этой как и некоторых других надписей А. Ремизова является характерный подчеркнуто скромный тон, близкий художественной форме традиционных приписок древнерусского книжника.

Как уже упоминалось, дарственные надписи, обращенные конкретным людям образуют своеобразный цикл. Надписи на книгах, адресованные С. Я. Осипову — это как правило шуточные обращения к кавалеру великой обезьяньей вольной палаты. Ритмическая проза надписей посвященных С. П. Ремизовой — Довгелло образует другой цикл. Перед нами страницы лирического дневника: «Может быть, потому мне и кажется все это очень скучным, что жизнь тех лет была по чувствам ярчайшая, словами не выразишь. Если есть тут острейшие слова — прямо из горячих или оледенелых уст, самое острейшее не от меня, а от твоей памяти. Когда я подумаю, что было бы, если бы я остался один, на меня находит последнее уныние — я вроде 1/2 (половинки) во всем, но одержимый страстью к целому: какая получается ерунда и как я должен быть благодарен тебе, что только через тебя — твоим духом — я достигаю какого-то целого (конечно, с печатью странного)» (с. 25, № 70).

В жанровом отношении эти надписи — воспоминания — размышления близки стихотворениям в прозе И. С. Тургенева: «И у немцев тоже есть березки. И вчера на Wilhelmplatz их продавали как и у нас, только маленькие, вроде веника большого. Ну, у нас ведь лесища — можно целыми деревьями. Праздники

большие, в которых особенно в глаза бьет различие между людьми — ведь всякий норовит в праздник принарядиться. Пасха, Рождество, Троица были для меня с раннего детства мучительнейшими днями. Я ждал их и, дожидаясь, всегда помнил, что когда придет такой праздник, мучительнейшее чувство, раз испытанное, вернется ко мне. А это чувство — это не неловкость, и это не стыд, а какое-то острейшее чувство разнородья человеческого на земле и непримирение с этим судом судьбы. Я никак не мог принять, что у меня вот какой большой букет, как веник весь исцвеченный и душистый, а, помню, какой-то столп, ну и цветка-то не было, а так, веточка, и немного стоял, а глаза светили как цветы. И я помню, на следующую Троицу, я отдал свой букет и взял веточку — и все-таки не мог успокоиться, потому что я думал об одном, и у меня — глаза мои — не были как цвет, а беспокойно, озорно смотрели. А мне говорили: ты всегда какое-нибудь безобразие выдумаешь. Ну чего цветы отдал, а мятый сучок взял! И тогда я хотел совсем затеряться, чтобы мне никто не мог сказать, а я не мог бы и в самом деле никак достать букет. Но потом я стал думать другое — но по силе чувство это не то было — я хотел, чтобы не только у меня, а и у всех — вся церковь, — стояла с такими моими цветами, как веник, расцвеченными и душистыми.» (с. 22, № 48).

Надписи на книгах, адресованные В. И. Малышеву поясняют особенно значимые, важные для Ремизова тонкости замысла: «Книга не для чтения, а для гадания: „задумав, раскрой страницу — все что вычитаешь так и будет. Мартын Задека“» (с. 27, № 87).

Автографы на книгах, подаренных Н. В. Кодрянской, как правило, рассказывают о творческой истории книги: «Николины притчи — русская сказка — это первый издательский опыт Гржебина. Заслуга же Гржебина та, что он, единственный из издателей, принял книгу и хоть имени своего не поставил, а все-таки издал. Это в 1918 г., в год трудной жизни...» (с. 20, № 31). Именно из записи на книге мы узнаем, что «Зга» в переводе с санскрита значит тропка (с. 24, № 69).

Следует отметить еще одну стилистическую особенность дарственных надписей: недосказанность... Этот стилистический прием позволяет А. Ремизову придать особую многозначность и многозначительность автографу на книге, запечатлеть в нем редкие мгновения духовного единения людей: «Александрю Александровичу Блоку... Воспоминание о старине допотопной, когда на острове водился Слон (Ю. Верховский), пел на Слоновой (Суворовском) Кузмин, посторонь бань егоровских жили мы, были в соседях с Розановым, писал портрет Блока Сомов, Вячеслав гнезвился на Таврической башне, Судейкин ходил с Сапуновым и что еще вспомню, какие нечистые и чистые пары, какой ковчег, какого голубя, какую ветку, Неву, революцию, Бердяева, Гюнтера, Чулкова, Мережковских...» (с. 21, № 43).

Но, пожалуй самой важной особенностью, преимуществом уникального жанра дарственной надписи в творчестве Ремизова является то обстоятельство, что именно в ней наиболее целостно представлены все стороны многогранного оригинального таланта писателя и художника А. М. Ремизова.